

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Статья дляпольского журнала «Гмина». Программапольских социальных революционеров

Михаил Бакунин

Михаил Бакунин

Статья дляпольского журнала «Гмина». Программапольских социальных революционеров
Май-июнь 1870

IISG, Москва, РГАЛИ ф.2197, оп.1, ed.chr.539. Впервые опубликовано Драгомановым в «Письмах Бакунина к Герцену и Огареву».

ru.anarchistlibraries.net

Май-июнь 1870

Май-июнь 1870, Локарно, Швейцария

Из: Москва, РГАЛИ ф.2197, оп.1, ед. хр.539. Впервые опубликовано Драгомановым в «Письмах Бакунина к Герцену и Огареву».

Статья эта предназначалась для польской газеты *Gmina* (Община), которая затевалась как орган «Польского Социально-Демократического общества» в Цюрихе (Секретарь *Towarzystwa Socialno-Demokratycznego* был Стемковский, передавший вскоре за тем Нечаева в руки полиции). Но редакция этой газеты не сочла возможным напечатать эту статью. Причиной тому был, конечно, 5-й пункт программы, в котором решительно отрицаются «исторические права» поляков на непольские земли старого польского государства (*panstwa*) Литву, Белоруссию и Украину. Такое отрицание крайне тяжело для поляка самых демократических мнений, так как оно ставит его в бесповоротный разрыв с польским обществом. Это последнее готово терпеть самые крайние социально-революционные мнения, видя в них увлечение и надеясь, что они направятся прежде всего на отделение Польши (исторической) от иностранных держав. Но отрицание Польши исторической и ограничение Польши только пределами этнографическими польского крестьянства, есть, в глазах польского общества непростительная ересь, исповедовать которую поэту мало кто решается и до сих пор. Сравните с Бакунинской книгой «Государственность и Анархия» страница 136 издания социально-революционной партии. – прим. Драгоманова.

Замфир Арбore-Ралли сообщает более подробно об этом. Бакунисты смогли склонить неграмотных поляков на свою сторону спустя два собрания об основании газеты "Гмина", на втором программа Бакунина была принята целиком. Ралли отмечает, что контингент, который принял программы не был социалистическим, а полностью принадлежал скорее к польской демократии, не совсем понимал вообще смысл

пунктов программы, тем не менее, бакунисты планировали эту проблему исправить докладами-лекциями и статьями в будущем журнале "Гмина" и сделать поляков социалистами. Но эти планы были рассстроены приехавшим Токаржеви-чем. После его прибытия к Ралли стали приходить поляки и говорить ему, что они не могут принять пятый пункт программы "москаля" Бакунина.

Назовите как хотите.

Панская Польша погибла безвозвратно! Народная, хлоп-ская, чернорабочая Польша должна воскреснуть.

Будем справедливы. В те века, когда, за исключением весьма немногих стран, везде царствовала шляхетская и монархическая тирания, польская шляхта, *по крайней мере для себя*, умела сохранить гордый дух свободы. Она была правда жестокой притеснительницей и пиявицей для бедного люда. Она строила богатство, величие и волю свою на разорении, унижении и порабощении бесчисленного хлопского мира. Но, по крайней мере она умела сохранить свою собственную волю, и в то время, когда дворянства всех стран наполняли лакейские и дворы самодержавных монархов, она одна не преклонила своей надменной головы перед польскими королями.

Этот дух шляхетской гордой независимости составляет основную черту всей прошедшей польской истории и цивилизации. Свобода как солнце; она одарена таким могучим живительным свойством, что даже там, где она проявляется лишь только в тесных пределах, на привилегированной почве, она по крайней мере в исключительном мире, озаряется лучами ее; вызывает живые плоды. Польская воля, о которой нам гласят наши поэты, публицисты, историки, была исключительно шляхетскою волей. Для народа,

под чужеземным игом, московским, немецким, мадьярским или турецким. Убежденные в их несомненном праве на независимое существование и народное развитие, мы готовы вступить с ними в тесный союз против наших и их притеснителей, к какой бы народности эти притеснители не принадлежали. – Всякий народ, или вернее всякое государство, притесняющее чужой народ от имени своего собственного народа для нас ненавистно.

7) Но мы такие же враги московского панславизма, как и Берлинского и Венского Пангерманизма. Наша последняя цель не тесный славянский союз, а всемирный союз всех людей, всех народов, освобожденных раз навсегда от всяких панов, панования и панства – именем общечеловеческих прав для освобождения чернорабочего утесненного люда всех стран, мы протягиваем братскую руку революционным социалистам Европы и Америки, и хотим заключить с ними могучий союз не на словах только, а на деле.

для многомиллионного Хлопства она выражалась бедой и рабством. Но в панском мире, в продолжение многих веков, она породила ряд доблестных граждан, мыслителей и героев, прославивших польское имя в Европе. Было время, когда польская литература, вместе с родственной литературою Богемии стояла во главе славянской цивилизации.

Во второй половине шестнадцатого века начинается упадок шляхетского государства (панства). Основанная на порабощении рабочего, единопроизводительного люда ни цивилизация, ни слава, ни сила его не могли быть долговечными. К тому же в конце этого века присоединился элемент новый, который окончательно должен был погубить Польшу. Вместе с орденом Иезуитов воцарился в ней дух религиозной нетерпимости и всенародного оглушения. К тирании панской присоединилась тирания церковная – и обе вместе возбудили всенародное восстание и отторжение Украин от Польши, справедливый и доблестный бунт вольных казаков, и ряд кровавых войн, гибельных для могущества шляхты еще более гибельных для бедного, порабощенного и измученного народа.

Да, шляхта наша великая грешница. Она собственными руками погубила и нас, и себя. Но будем справедливы. После разделения Польши, вызванного ее исторической виной, в продолжение ста лет, от 1772 по настоящий год, она рядом героических и мученических подвигов, сделала все что могла, чтобы искупить свой великий грех. Вряд ли в истории другого народа, найдется такое множество героев-мучеников, семейств, целых поколений, отдавших себя на кровавую жертву, на пытку, на смерть, на жестокое заточение и на столько же бедственное изгнание, для освобождения отчизны.

Другие народы освободились меньшими жертвами. Почему же одна несчастная Польша, не смотря на отчаянную

вековую борьбу, остается рабой? Неужели злой рок осудил ее и только ее одну на безвозвратную гибель?

Нет, *Польша не згинела!* Но только освободиться может она, не шляхетским восстанием, а хлопской революцией, поголовным повстанием всего чернорабочего Люда. –

Вековая шляхетская борьба за освобождение отчизны осталась безуспешной, только потому что этот Люд до сих пор не принимал в ней участия. Против всенародного повстания никакая военная, ни государственная сила устоять не может. Почему же до сих пор польский хлоп оставался равнодушным зрителем шляхетской борьбы за свободу, почему не принял участия в этой борьбе? А потому что шляхетская воля, для народа, всегда была и до сих пор остается еще, рабством.

До тех пор, пока будут люди, богатеющие и жиреющие не своей, а чужой работой, до тех пор это великое слово «воля» будет для рабочего мира пустым словом, обманом. Пока шляхта будет обрабатывать землю хлопскими руками, и поливать ее хлопским потом и кровью; до тех пор, пока польские, немецкие и жидовские капиталисты и фабриканты будут наполнять свои карманы заработками фабричных и ремесленных работников до тех пор, одним словом, пока будет существовать отдельный панский мир, существующий в Польше, также как и везде, единствено только присвоением себе продуктов трудовой силы чернорабочего мира, до тех пор между этими двумя мирами, панским и чернорабочим, будет пропасть.

И этой пропасти не засыпать никакими обещаниями ни словами; уничтожить ее возможно только одним средством: уравнением всех состояний, условий жизни, труда и науки для всех, совершенным уничтожением, разумеется, не панов, а этого особого панского мира. Пусть паны станут работниками, на одинаковых условиях со всеми, и

1. Земля составляет нераздельную собственность целиго народа. Пользоваться ее плодами должны только те, которые обрабатывают ее своими собственными руками.

2. Все капиталы, фабричные заведения, машины, инструменты труда, дома и так далее должны составлять общую нераздельную собственность рабочих товариществ.

3. Мы не хотим пановать, ни подчиняться панованию каких бы то ни было панов и властей, под каким бы то предлогом не было. Враги всякого панования людей над людьми, мы поэтому самому враги всякого панства (государства), – убежденные в том, что всякое панство, какими бы демократическими и республиканскими формами оно покрыто не было, – для панующего меньшинства будет всегда выгодной льготой и для народного большинства тюрьмой.

4. Мы хотим широкой народной воли не на словах только, а в самой жизни, на деле. А для обеспечения этой свободы, мы отвергаем всякое устройство общества, народной жизни, с верху вниз, путем так называемой законной свободы дарованной каким бы то ни было государственно-народным собранием, под покровительством какой бы то ни было верховной власти: – и не признаем другого устройства, кроме того, образуясь снизу вверх посредством вольного союза вольных рабочих товариществ и общин, создаст вольную народную и международную федерацию.

5. Противники всякого панства, мы разумеется, отвергаем так называемые исторические права и границы. Для нас Польша начинается и существует действительно только там, где чернорабочие люди сознают себя и хотят быть поляками, и кончается там, где, отвергая особый польский союз, они хотят быть вольными членами других народных союзов.

6) Мы подаем братскую руку всем братьям великого славянского племени, поработленным также как и мы сами

Программа

тогда польский чернорабочий мир признает их за своих братьев.

А до тех пор никакое панское революционное движение не увлечет за собой польского чернорабочего люда. То, что паны называют отчизной, было для этого люда тюрьмой. Вот чего не умели и не умеют понять, не говорим, наши аристократы католики, – но даже польские демократы; они зовут нас на освобождение нашей родной Польши от ига чужеземных притеснителей, которых мы ненавидим не менее их: Но какой Польши? Той ли, в которой они, дети польской шляхты или немецких или жидовских капиталистов и фабрикантов будут пановать, управлять и пользоваться, по-прежнему на наших плечах, шляхетской волей, а мы, дети чернорабочего Люда, будем потеть и служить им по-прежнему? Или той, в которой освобожденный рабочий народ, готовый принять в свою широкую среду на одинаковых условиях работы и жизни людей доброй воли, каково бы ни было их происхождение, заживет новой, вольной жизнью без всяких панов, панования и панства?

Хотите вы такой Польши, о польские демократы? Тогда мы пойдем с вами, или вернее, *Вы пойдете с нами*. Пора вам признаться, что время ваших патриотических начинаний, Вашего революционного руководства прошло. Вы в продолжение ста лет и особенно в продолжение сорока лет сделали все, что могли; не жалея себя и жертвуя всем, что было для вас дорого, не только имуществом, личным счастьем, свободой, жизнью, но своими женами и детьми, Вы для освобождения отчизны употребили все средства, которые могли найти в своем уме, в своей геройской воле, в своей горячей любви к родному краю. И не смотря на все это, вы не сделали ничего.

Если демократы тридцатых и сороковых годов, полные могучей воли, веры, силы ума и знания, не могли ничего сделать, что же сделаете Вы, демократы наших годов,

утратившие вследствие страшных поражений и бедствий, претерпенных нашим отечеством в продолжение последнего десятилетия, последние остатки мысли, веры, страсти, силы, воли?

Нет, кончилась шляхетская Польша! Кончилось время шляхетской демократии. Наступила пора для польского чернорабочего люда приняться за дело освобождения польской отчизны.

Мы бедные польские работники, не генералы и не офицеры, простые солдаты последнего восстания, зарабатывающие ежедневный хлеб свой тяжелым трудом, в редкие свободные часы, мы собираемся вместе, чтобы говорить о нашей милой отчизне и о великих бедствиях, претерпеваемых польским народом, и о средствах к освобождению его. – У нас нет науки, но есть здравый смысл, есть сердце, мы, наконец, учены горьким опытом воспрещающим нам искать этих средств на старых путях... Живя наконец в самой середине Европы, мы старались понять общественное движение происходящее вокруг нас, и увидели к нашему крайнему удивлению и великой радости нашей, что везде подымаются и собираются, и соглашаются чернорабочие люди и везде ждут для себя скорого и полного избавления, – не только от государственного, военного, полицейского и гражданского притеснения, но и от всех шляхетских и мещанских пиявиц питающихся работой, потом и кровью народной.

Наши польские демократы так много говорили нам, ругая его, об интернациональном обществе рабочих, что мы искали ближе познакомиться с ним, дабы узнать настоящую суть и цель его. И присмотревшись к нему ближе, мы убедились, что не было еще на свете общества, которое было бы так благодетельно, так спасительно для бедного рабочего люда, как это международное общество.

Цель его, дать прочную непобедимую силу рабочим людям всех стран, соединив их в одно огромное тело, помимо всех государственных и национальных границ, во имя их общих выгод и человеческих прав, против всех народных притеснителей, разорителей и воров. Французы, Англичане, Бельгийцы, Голландцы, Датчане, Шведы, Немцы, Швейцарцы, Итальянцы, Испанцы, Американцы; рабочие всех стран подали друг другу братскую руку для того, чтобы общими силами свергнуть с себя повсеместное иго панов, панования и панства... дабы на развалинах старого панского мира создать свободную, счастливую новую жизнь...

Интернациональное общество создало уж теперь такую громадную силу что все Европейские правительства начинают беспокоиться и дрожать перед ним... Еще несколько лет подобной работы, дружного усилия рабочего люда всех стран, и треснут и разрушатся стены вековых народных тюрем, и спадут с наших рук и ног тяжелые цепи, и сильные международным торжествующим братством, народы впервые вздохнут и заживут вольно...

И так вот где единственный путь избавления. Во всемирном братстве утесненных народов, в международном союзе рабочих всех стран. Не ясно ли, что мы хлопы и работники Польши, ради своего собственного спасения, ради освобождения милой отчизны, должны вступить в этот союз?

Мы, польские работники, соединенные в Цюрихе, вступили в него. Мы образовали польскую секцию рабочего интернационального общества. Вместе с тем, собрав свои бедные гроши мы положили издавать журнал и вот программа нашей секции и нашего журнала: